

* * *

Я человек.
И когда опущусь на кровать —
Не любовное ложе —
На строгие смертные простыни,
До последнего мига
Любовью и жизнью опростанный,
Я пойму, как мне дорого
Каждое слово моё,
Даже если
Оно было ложью,
Каждый выдох и вдох,
Каждый шорох неслышный,
Касание пальца о палец
И тяжесть ступней на полу.
И что бы мне ни говорили
О будущей жизни —
О рае, о перерождении,
О воскрешении —
Я знаю,
Что если умру,
Умрёт целый мир,

Сотканный из мыслей и ощущений.
Я не проснусь — молод и бодр,
Потому что не будет “Я”.
А значит, не будет мамы,
Моего кота и моего дома —
Ничего моего.
И небо я не назову небом,
И оно перестанет существовать.
Страшно быть человеком.

* * *

Старый колодец средь голой степи —
Чёрные брёвна и ржавь на цепи.
Вёдра пустые несу от него —
Выпило воду земное нутро.
Выпило воду — ни капли не взять.
Ветры из глуби земной сквозят.
Грязь на венцах — стылый гудрон.
Воздух чернее вдовы с похорон.
Держит засовы воздушная клеть —
Камень не может до дна долететь.
Скрипом колодезных журавлей
Ветер из глуби сквозит моей.
Чёрный безжалостный суховей
Вьётся над степью...

* * *

Хмурая суббота на Страстной:
Поминают мёртвого Христа.
Покаянный звон над мостовой
На мосту и около моста.
Догоняет — шагу не ступить:
Спасу нет с крестом и без креста.
Как бы наши жизни не скрестить
На краю Великого Поста.
Как бы успокоить эту дрожь
И в апрельский кануть окоём!
Без греха до смерти не дойдёшь,
Не воскреснешь с кем-нибудь вдвоём.
Колокольня. Небо. И апрель.
Я не верю. Просто так молюсь.
Без тебя я чище и светлей,
С каждым шагом легче становлюсь.

* * *

Я в Кургане, Риме и Москве,
И в деревне старенькой моей
Днями приколочена к стене —
Вроде отрывных календарей.

Каждый день — какое-то число.
Красные встречаются, но редко.
И от чисел в комнате черно,
За окном — одна и та же ветка.

Я стараюсь скрыться в суете
С февраля по праздничный январь,
Чтоб не замечать, как похудел,
До обложки сжался календарь.

Что ни делай — будет всё одно.
Только бы осталася человеком!
Может, завтра встретимся в кино
И закажем фрукты и вино?
Скоротаем век и станем веком.

* * *

Как много нынче снега намело!
Он город переполнил до краёв.
Дышать светло и засыпать светло
В холодной бели уличных роёв.
Зимой земля — невеста, говорят.
Берёзы тонко выстроились в ряд,
Раздетыми сиротами глядят:
Иди к венцу — растрёпанные слишком.
А снег валит неистовой и злей,
Машины бьют дорогу сквозь метель.
Я скоро в этой буйной белизне
Одна чернеть останусь.